

Геннадий Костырченко

Постсталинская оттепель и генезис «Русской партии»¹

Хрущев и русский национализм

Подвергнув в начале 1956 года резкой критике «культ личности», Хрущев, дабы продемонстрировать свое благоволение либеральной творческой интеллигенции, нарочито снизил градус своих симпатий к их идейным антиподам – консерваторам-сталинистам, причем как ортодоксально-коммунистического, так и этнонационалистического толков. Поскольку это отношение Хрущева к русскому национализму практически не изучено, необходимо хотя бы по касательной затронуть этот важный политический момент.

Думается, в отличие от Сталина, прибегнувшего в 1930-е гг. к «русской идее» исключительно с холодной прагматической целью укрепления режима, Хрущев апеллировал к ней не только в тех же властных интересах, но и движимый неким патриотическим идеализмом, который в определенной мере был присущ его непосредственной натуре. В пользу этого предположения говорит хотя бы тот факт, что при обсуждении 13 мая 1957 г. на «цековской» встрече с писателями проекта создания СП РСФСР Хрущев поддержал его с кажущимся искренним сожалением по поводу пренебрежительного отношения властей при Сталине к самой большой советской союзной республике. В то время, как выразился Хрущев, «Россия лица не имела»². Он и раньше пытался как-то «сгладить» это представлявшееся ему несправедливым положение: существенно расширил полномочия российского Совмина, а 27 февраля 1956 г. создал Бюро ЦК КПСС по РСФСР, которое, кстати, сам и возглавил. Эти преобразования наряду с учреждением СП РСФСР вполне свидетельствуют о желании Хрущева укрепить российскую национальную государственность. Правда, это его стремление стимулировалось, как представляется, не только, а может быть, и не столько отмеченным личным ностальгическим порывом, сколько определенным политическим давлением так называемой «Русской партии», представлявшей собой неформальный конгломерат интеллектуально-аппаратных сил консервативно-почвеннической ориентации. Идейные корни этой социально-политической общности уходят в начало 1920-х годов, когда П.Б. Струве, Н.В. Устрялов и другие ведущие деятели рус-

¹ Публикация представляет собой фрагмент из книги Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос.

² Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева. В 2-х тт. / Ред. Н.Г. Томилина. М., 2009. Т. 2. С. 448.

ской политической эмиграции подметили зарождение в кадровых недрах РКП (б) неких неформальных «почвеннических» настроений, обозначенных ими как «национал-большевизм»³.

В 1930-е годы на базе этих идей Сталин сделал мощную «патриотическую прививку» государству и обществу, что заметно интенсифицировало подспудный генезис «Русской партии», завершившийся к концу 1940-х гг. Став к тому времени заметной общественной силой, эта «партия» негласно использовалась властью как один из основных инструментов в проведении кампаний борьбы с «космополитизмом» и «еврейским национализмом». Последовавшая смерть Сталина и осуществленное потом официальное разоблачение его преступлений отнюдь не поставили крест на «Русской партии». Породивший ее сталинизм продолжал и при Хрущеве оставаться – пусть и в усеченном виде – несущей идейной конструкцией режима. Особенно это стало очевидным в период социального обострения в Польше и Венгрии, когда власть в СССР вновь стала «собирать» камни сталинизма, до того ею преимущественно «разбрасывавшиеся».

Именно тогда, а точнее 23 ноября 1956 года, один из столпов «Русской партии», лауреат пяти Сталинских премий скульптор Е.В. Вучетич передал в Президиум ЦК КПСС коллективное послание, подписанное им и еще двадцатью тремя его единомышленниками – именитыми деятелями советской культуры (литераторами М.С. Бубенновым, С.П. Бабаевским, С.С. Смирновым, Ф.И. Панферовым, Ф.В. Гладковым, М.В. Исаковским, артистами М.И. Царевым, В.Н. Пашенной, А.К. Тарасовой, композиторами В.И. Мурадели, художниками А.И. Лактионовым, А.М. Герасимовым, К.Ф. Юоном и др.).

В письме выражалась глубокая озабоченность тем, что «возглавляемые Ильей Эренбургом и Константином Симоновым» «реваншистские» и «мелкобуржуазные элементы», «активно орудующие сейчас в литературе и искусстве», «создают в творческих организациях обстановку идеологического террора, ведут разнузданную травлю литераторов и художников, которые поставили свое творчество на службу партии»; они «объявляют таких художников прислужниками культа (Сталина. – Г.К.), обливают их творчество грязными помоями, науськивают на них молодежь». Подписанты требовали укрепить партийное руководство творческими организациями, управленческий аппарат которых предлагалось подвергнуть «решительному очищению... от сомнительных, околотературных элементов». Кроме того, в адрес Президиума ЦК КПСС высказывалось пожелание организовать совещание «по назревшим проблемам литературы и искусства», дабы «сплотить все здоровые силы... на борьбу за линию партии»⁴.

Последнее предложение как раз и реализовал Хрущев, встретившись 13 и 19 мая 1957 г. с писателями и деятелями искусств. Выдвинув тогда проект создания

³ Устрялов Н.В. Национал-большевизм (Ответ П.Б.Струве) // Новости жизни. 1921. 18 сентября (Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 156-163).

⁴ Источник. 1994. № 4. С. 86-88.

СП РСФСР, он не только перевел в сферу конвенциональности взаимоотношения право-консервативных интеллектуалов с властью, но и существенно расширил ее возможности по контролю за процессами, протекавшими внутри «Русской партии», притом, что та в силу своей этнонациональной природы не была застрахована от опасного для режима спонтанного радикализма. В ноябре 1956 года одним из подобных проявлений в ЦК КПСС сочли предложение заместителя главного редактора газеты *Советская Россия* (издавалась с июля 1956 года как орган Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР) Ф.Т. Лебедева начать выпуск популярного просветительского журнала *Россия*, который должен был знакомить читателей с историей, культурой и традициями русского народа, в том числе публиковать материалы о бытовавших прежде обычаях наречения русских детей (чтобы среди современных советских детей было «меньше разных Гелиев, Радиев и Эсмеральд!»). Инициатива эта была отклонена, причем на том формально-«отговорочном» основании, что издание нового журнала «не вызывается необходимостью» и не может быть осуществлено «из-за отсутствия бумаги»⁵.

Однако сей издательский проект выглядел вполне безобидным на фоне скандала, разразившегося в декабре 1956 года в связи с выходом в издательстве «Молодая гвардия» детективного романа В.Д. Иванова (1902–1975) «Желтый металл» о нелегальном старательстве и других незаконных манипуляциях с золотом. Сыр-бор разгорелся из-за того, что автор книги живописал в ней человеческие страсти, порожденные «золотой лихорадкой», довольно вульгарным языком, сдобренным к тому же этноксенофобией. Чтобы убедиться в этом, достаточно было прочесть хотя бы следующие словоизвержения ненависти одного из персонажей романа: «Интеллигенция, грамотные. Сволочи еврейские!.. Душить их! Вороньи носы, нас заклевали, образованные! Ух, я их всех сейчас!.. Этого красного "уксуса" (вина – Г.К.) отродясь ненавидел, и пусть его сосут носатые грузины-травоеды, черномазая тварь... вместе с евреями, и пусть оно все провалится в море с солнцем (дело происходит в Сухуми. – Г.К.), вместе взятое с "уксусом"!»⁶.

Власти, атакованные главным образом возмущенными откликами представителей нацменьшинств и в результате «разглядевшие», что процитированные литературные «этнопоношения» коррелируются с заметно усиливавшимися в обществе (особенно в городской молодежной среде) реальными выплесками «низового» антисемитизма и неофашистской идеологии⁷, вскоре принялись исправлять свой недосмотр.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 6. Л. 88-96.

⁶ Иванов В.Д. Желтый металл. М., 1956. С. 131, 133.

⁷ Например, с осени 1955 года в Москве активно действовала экстремистская «Народно-демократическая партия России», созданная несколькими рабочими, заочно обучавшимися в гуманитарных вузах. Подготовленные ее лидерами программы предусматривали насильственную ликвидацию коммунистического строя и «окончательное решение еврейского вопроса». Примерно такого же пошиба была и появившаяся в конце 1956 года также в столице «Российская национально-социалистическая партия» (58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991.

12 апреля 1957 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин уведомил Секретариат ЦК КПСС о том, что вверенное ему молодежное ведомство признало публикацию «Желтого металла» (где «грубо искажается советская действительность; допускаются националистические высказывания о некоторых народах нашей страны... роман изобилует вульгарными, пошлыми и циничными выражениями») «грубой политической ошибкой», и издательству приказало изъять его из торговой сети. Однако к тому времени только малая толика 90-тысячного тиража книги не была распродана. Через несколько дней заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А.В. Романов доложил начальству на Старой площади (не на шутку встревоженному, как бы шовинистические перлы из книги Валентина Иванова не были «использованы за рубежом для антисоветских выпадов»!), что дано дополнительное указание начальнику Главлита СССР П.К. Романову перевести все направленные в библиотеки экземпляры опуса в закрытые фонды⁸.

В справке отдела культуры ЦК, направленной 11 мая Шепилову, роману Иванова была дана уничтожающая характеристика. В ней он назывался «халтурным», «стоящим за пределами литературы» и содержащим «хулиганские выпады»⁹.

Жестко пресекались и относительно безобидные проявления интеллектуального «русизма». Когда в 1959 году в августовском и сентябрьском номерах журнала *Звезда* появилась литературоведческая статья В. Назаренко «Черты русского стиля», отдел культуры ЦК, усмотрев в ней скрытую крамолу, стал добиваться от центрального партаппарата вынесения порицания руководству ССП, допустившему публикацию материала, содержащего «политически ошибочные положения»¹⁰.

Куда охотней режим шел на такие безопасные для него демонстративно-пропагандистские жесты, как наречение в 1961 году «Россией» нового самого большого в Москве кинотеатра.

Аннотированный каталог / Под ред. В.А.Козлова, С.В.Мироненко. М., 1999. С. 464, 499, 659. Митрохин Н.А. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003. С. 169-179, 191-198).

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 41. Л. 23-27. Подробно о реакции властей на выход романа см.: Митрохин Н.А. Евреи, грузины, кулаки и золото Страны Советов: книга В.Д. Иванова «Желтый металл» – неизвестный источник информации о позднесталинском обществе // Новое литературное обозрение. 2006. № 80.

⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / Ред. В.Ю.Афиани. М., 2001. С. 651.

¹⁰ Оказывается, автор статьи, выдвигая тезис о «русском» и «лжерусском» стилях в отечественной литературе, утверждал, между прочим, что «русский национальный характер», вбиравший в себя до революции лучшие качества людей разных сословий, соответствует современному идеалу коммунистического характера. Это рассуждение сочли на Старой площади идущим вразрез с ленинским учением о классовом характере культуры и с идеей пролетарского интернационализма (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 90, Л. 84-86).

Литературные «лакировщики» и их покровители

Сверху «дозировался» не только «национал-большевизм», но и большевизм ортодоксальный, рудиментарно существовавший в официальных рамках. Наглядно это было продемонстрировано в реакции Агитпропа ЦК на выход в свет летом 1958 года романа В.А. Кочетова «Братья Ершовы». Густо пропитанный антиинтеллектуальным пафосом и памфлетным сарказмом, он являлся не только остро-публицистической антитезой роману Дудинцева «Не хлебом единым», превратившемуся в своего рода манифест приверженцев демократического обновления страны, но и стал, быть может, в еще большей степени завуалированным вызовом власти, дрейфовавшей все дальше от сталинизма. Этот вызов не укрылся от зоркого ока идеологических охранителей режима. Они явно почувствовали в содержании «Братьев Ершовых» душок «пролетарско»- сталинистского реваншизма.

Данная ситуация, конечно, заставила вспомнить Хрущева об одном из главных заветов прагматика Сталина: «главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности»¹¹. И хотя Хрущеву было лестно, что на июньском (1957 г.) пленуме ЦК Кочетов (вместе с А.А. Прокофьевым¹²) поблагодарил его за «огромную помощь в борьбе с литературными ревизионистами и нигилистами»¹³, этот комплимент не заслонил тот факт, что сочинение Кочетова, будучи первоначально напечатанным в шестом и седьмом номерах *Невы*, уже до конца того же 1958 года успело отдельно выйти несколькими изданиями (в Москве, Ленинграде, в *Роман-газете*) внушительным суммарным тиражом.

Верхи не могло не обеспокоить и то, что в начале сентября 1958 года в редактируемой Кочетовым *Литературной газете* неожиданно появился пространный панегирик его роману, к тому же за подписью Ю.А. Жданова – бывшего высокопоставленного чиновника ЦК КПСС, низвергнутого за продолжение начатой его отцом, А.А. Ждановым, пропагандистской травли творческой интеллигенции и отправленного после смерти Сталина в почетную ссылку в Ростов-на-Дону¹⁴.

Такая интенсивная «раскрутка» книги Кочетова, в которой третировалась «гнилые оттепели», была невозможна без массивной поддержки со стороны консервативного крыла номенклатуры. Это обстоятельство, конечно, не укрылось ни от Хрущева, ни от идейно близких ему цековских аппаратчиков. Вот почему 6 сентября 1958 г., то есть уже в день выхода статьи опального Ю. Жданова, отдел культуры ЦК направил в Секретариат информацию с заключениями специ-

¹¹ Сталин И.В. Соч. Т.13. М., 1951. С. 362.

¹² Прокофьев А.А. (1900–1971) – поэт, в 1945–1948 и 1955–1965 гг. был ответственным секретарем Ленинградского отделения ССП и СП РСФСР.

¹³ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н.Яковлева. М., 1998. С. 143.

¹⁴ Жданов Ю.А. Третьего не дано // Литературная газета. 1958. 6 сентября.

ально привлеченных экспертов, полагавших, что Кочетов, исповедуя «"махаевское"¹⁵ отношение к интеллигенции», односторонне негативно изображает ее в романе, который поэтому является «идейно ошибочным, политически вредным». В записке предлагалось опубликовать в *Правде* «установочную» статью, «правильно» оценивавшую позицию автора¹⁶.

Однако хотя в этой бумаге роман критиковался достаточно сдержанно и даже деликатно, ее подписал не как обычно заведующий отделом культуры ЦК Д.А. Поликарпов (1905–1965), а его подчиненные – Б.М. Ярустовский, В.Е. Баскаков и Черноуцан. В сталинское время они тайно покровительствовали «космополитам», тогда как Поликарпов, наоборот, симпатизировал их гонителям – Софронову и идейно близким к тому литераторам¹⁷.

Данный факт вполне соответствовал «политически выдержанной» служебной биографии Дмитрия Алексеевича Поликарпова. Выходец из крестьян Петербургской губернии, он, окончив в 1924 году Устюженский педагогический техникум и вступив тогда же в партию, начал восхождение по чиновной лестнице с ее самой низшей ступени – с должности председателя бюро пионеров укома комсомола города Устюжна Ленинградской области. Карьерная фортуна не всегда благоволила Поликарпову, особенно на социально бурном рубеже 1920-х – 30-х гг. Например, в 1932 году она преподнесла ему неприятный сюрприз. Тогда из председателей одного из райисполкомов Ленинградской области он был низведен до заведующего отделом народного образования этого райисполкома. Однако, когда в 1934 году первым секретарем Ленинградского обкома партии и одновременно секретарем ЦК ВКП (б) стал А.А. Жданов, дела Поликарпова пошли в гору. Его перевели в северную столицу, назначив, правда, всего лишь инструктором в областной отдел народного образования. Тем не менее, на волне масштабных кадровых чисток «большого террора» он в 1938 году возносится на пост заведующего ЛеноблОНО и вскоре попадает в ближнее окружение Жданова. Поэтому, когда в конце 1938 – начале 1939 гг. того назначали сначала заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК, а потом и начальником созданного на его базе управления (УПиА), Поликарпов, как «человек» Жданова, ставшего к тому времени членом Политбюро, получил под свое начало в этом управлении отдел культурно-просветительных учреждений. В следующем 1940-ом году он – уже первый заместитель начальника УПиА, а с 1941-го – еще и по совместительству председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР.

---

¹⁵ В.К.Махайский (1897–1926) – лидер анархистского течения в российском революционном движении. Чрезвычайно враждебно относился к интеллигенции, называя ее «буржуазным паразитическим классом».

¹⁶ Такая статья за подписью «В.Михайлов» вышла в свет 25 сентября 1958 г. Она появилась своевременно, так как по агентурным сведениям КГБ было установлено, что «друзья Кочетова распространяют слухи, что роман понравился "наверху"... и что в "Правде" набрана редакционная восторженная статья на два подвала». (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы / Ред. В.Ю.Афиани. М., 2005. С.115).

¹⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 102-105.

На этих постах он настолько преуспел, что в апреле 1944 года Сталин доверяет ему беспокойное «писательское хозяйство», назначив ответственным секретарем правления ССП. Однако, пробуя командовать маститыми литераторами как своими подчиненными, Поликарпов вступил в конфликт с находившимся в фаворе у Сталина генсеком ССП Фадеевым. В этом противоборстве недостаточно искусственный в интригах «кремлевского двора» чиновник-провинциал потерпел полное фиаско. В 1946 году он уже не сановный аппаратчик, а простой аспирант Академии общественных наук при ЦК ВКП (б). Однако в разгар антикосмополитической кампании 1949 года наверху о нем вновь вспомнили и, назначив директором Литературного института им. Горького, поручили «выкорчевывать» там «антипатриотизм». Впрочем, «схлестнувшись» в этом элитарном вузе вновь с Фадеевым и к тому же еще и с Симоновым (другим любимчиком Сталина), Поликарпов в нем долго не задержался. В июле 1951 года его перевели на политически малозначимую должность директора Московского государственного педагогического института им. Ленина.

Однако после смерти Сталина карьерное прозябание Поликарпова закончилось: в 1954 году он – секретарь МГК КПСС, а с января 1955 года (сразу по завершении эры лидерства Фадеева в ССП) – опять секретарь правления писательского союза. В октябре того же года он возглавил вновь сформированный отдел культуры ЦК. В этом качестве Поликарпов пребывал с небольшими аппаратными метаморфозами (с 1962 года – зав. подотделом литературы и искусства идеологического отдела ЦК, затем заместитель заведующего этим отделом) целых десять лет, вплоть до своей смерти в 1965 году¹⁸.

За эти годы стояния Поликарпова у руля советской культурной политики в сознании либерального писательства сформировался «свинцовый образ» этого партчиновника – искоренителя всякой живой и свободной мысли¹⁹. Известно, что именно ему было поручена «ответственная» миссия (оказалась «успешной») съездить в Переделкино к Пастернаку и уговорить его публично отказаться от Нобелевской премии²⁰. Воистину Поликарпов был подобен К.П. Победоносцеву, который в свое время, по словам поэта, «над Россией простер совиные крыла». И все же, несмотря на такую мрачную «персональную параллель», в жизни Поликарпов не был стопроцентным канцеляристом-роботом. Ему, как свидетельствовал Е.А. Евтушенко, отнюдь не все человеческое было чуждо. Поэт вспоминал, что, находясь однажды в служебном кабинете у Поликарпова, стал свидетелем того, как тот, достав из своего сейфа пластинку с «упадническими» песнями А.Н. Вергинского, прослушал ее с видимым наслаждением²¹.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 466. Л. 191, 191 об. Оп. 3. Д. 1057. Л. 24. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 826.

¹⁹ Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 384. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 60-е годы. М., 1999. С. 106.

²⁰ Борщаговский. Записки баловня судьбы. С. 384.

²¹ Евтушенко Е.А. Плач по цензуре // Огонек. 1991. № 7. С. 22.

Очевидно, Поликарпов пытался как мог спустить критику «Братьев Ершовых» на тормозах. И кое-что в этом плане ему сделать удалось. Когда 25 сентября 1958 г. в Центральном доме литераторов проходило обсуждение романа (участвовали около четырехсот столичных писателей, литературоведов и критиков), даже многочисленные его критики из числа выступавших полемизировали с Кочетовым на удивление очень робко и завуалированно, как будто чего-то опасаясь. Но даже эти «булавочные уколы» были потом прокомментированы *Литературной газетой* как «пример бесперспективной критики»²².

Впрочем, с этой исходившей от «соратников» Кочетова²³ отповедью недоброжелателям его романа те явно «переборщили». Такое публичное игнорирование отрицательной оценки, данной «Инстанцией» (пусть и во многом формально) литературному произведению, не могло остаться безнаказанным. На состоявшемся 27–29 ноября 1958 г. заседании секретариата ССП писательское начальство в лице Полевого, В.А. Смирнова, Суркова, В.Н. Ажаева и Г.М. Маркова выказало недовольство тем, что *Литературная газета* «тенденциозно» и «необъективно» подходила «к освещению некоторых литературных явлений». Особо подмечалось, что издание «последовательно восхваляло» «Братьев Ершовых», «оберегая это произведение от всякой критики»²⁴.

4 декабря первый секретарь правления СП СССР Сурков выступил «по поручению ЦК КПСС» перед коллективом редакции *Литературной газеты*. Информировав его об обсуждении, прошедшем в секретариате Союза писателей, он «рекомендовал» сотрудникам подведомственного издания «резко оживить публикацию дискуссионного творческого материала и вести литературу по пути, начертанному Н.С. Хрущевым...»²⁵. Логическая точка была поставлена в мае 1959 года, когда со ссылкой на плохое здоровье Кочетова сместили с поста главного редактора *Литературной газеты*. Новым ее главой стал С.С. Смирнов, возглавивший одновременно и МО ССП – бывшую «цитадель» «оттепельного» фрондерства. Такие кадровые решения, в результате которых «крайние» либералы и «крайние» консерваторы от литературы заменялись на командных позициях их идеологически стерильными коллегами, как нельзя лучше символизировали то, что на языке Агитпропа именовалось «консолидацией здоровых сил вокруг ленинского ЦК КПСС».

Именно в духе сплочения под эгидой партии всех «системных» литераторов – как «левых» (прогрессистов), так и «правых» (традиционалистов) – выступил тогда Хрущев на III Всесоюзном съезде писателей СССР. Он торжественно объявил, что, поскольку свое поражение признали те литераторы, которые «подходили» «к нашему советскому обществу с уборной общественной... с клозетов», –

²² Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 111-113. Литвинов В. По большому счету. Заметки об одном творческом обсуждении // Литературная газета. 1958. 30 сентября.

²³ В.П. Друзин, Д.В.Стариков и др.

²⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 147-151.

²⁵ Там же. С. 155-156.

«оппортунизм повержен, ревизионизм разбит» и «уже веют ангелы примирения». В подтверждение этих слов партийный лидер великодушно выдал словесную индульгенцию Дудинцеву, еще недавно выставлявшемуся им предводителем «ревизионистов»²⁶. После чего, дабы не встревожить этим миротворческим жестом идейных антиподов Дудинцева, писателей–традиционалистов, Хрущев заговорил о том, что высоко ценит их преданность делу коммунизма, и считает, что они – «автоматчики партии». Этим льстиво-высокопарным величанием, обращенным к тем, кого прежде пренебрежительно именовали «лакировщиками», он как бы милостиво избавлял их от этой обидной клички²⁷. Даже после смещения Хрущева звучная метафора «автоматчики партии» еще долго активно использовалась писателями консервативного направления как своего рода PR-инструмент.

И все же, несмотря на все усилия Хрущева положить конец групповым распрям в писательском сообществе, ему в лучшем случае удалось достичь только внешнего, показного «замирения» на литературном фронте. Чтобы не разрушать этого декорума, власти приходилось закрывать глаза на межклановые страсти, продолжавшие бушевать (хоть и с меньшей силой) в ССП. 15 июля 1960 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР А.Н. Шелепин докладывал Хрущеву, что «в некоторых кругах творческой интеллигенции не изжиты еще элементы групповщины, в основе которых... лежат подчас неправильные взгляды на развитие советской литературы и искусства». Далее следовала «конкретика»: «...Сложилась группа драматургов: Штейн, Зорин, Шток, Шатров, Аграненко, Володин²⁸ и другие, которые сплочены на нездоровой основе "борьбы" с драматургией "сталинского режима", с так называемыми "правоверными лакировщиками", числу которых эта группа относит таких советских драматургов, как Корнейчук, Погодин, Софронов, Вирта, Мдивани и других»²⁹.

Тем не менее, на состоявшейся через два дня (17 июля) в Семеновском встрече «руководителей партии и правительства с деятелями советской культуры» царилла, в отличие от аналогичного мероприятия трехлетней давности, полная идиллия. На следующий день в *Правде* появился пространный отчет под красноречивым заголовком «Единство, сердечность, творческое вдохновение».

***

---

²⁶ Хрущев заявил, что «Дудинцев никогда не был врагом и противником советского строя». Кроме того, сославшись на мнение А.И. Микояна, он заметил, что «многие вещи» Дудинцев «пишет так, как будто бы он подслушал» его самого. Хрущев даже изъявил желание познакомиться с писателем лично. (Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т. 2. С. 502).

²⁷ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени. Т.2. С. 502-503.

²⁸ З.М. Аграненко (Ерухимович; 1912-1960), А.М. Володин (Лифшиц; 1919–2001) Л.Г. Зорин (Зальцман; р. 1924), А.П. Штейн (1906–1993), И.В. Шток (1908–1980), М.Ф. Шатров (Маршак; 1932–2010) – драматурги еврейского происхождения.

²⁹ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964. С. 394-395.

Щедро наделенный природным хватким умом, политической решительностью и знанием народной жизни Хрущев в начале 1956 года отважился на главное в своей жизни – рискованное для системы и для него лично публичное разоблачение преступлений Сталина. Казалось, что благодаря этой исторической акции, принятой на XX съезде КПСС, он обрел реальный шанс провести глубокое реформирование режима. Подобные иллюзии захватили прежде всего либеральную творческую интеллигенцию, которая надеялась если и не на введение свободы слова, то во всяком случае на существенное смягчение цензурного контроля. Но ничего подобного не произошло. Хотя Хрущев, безусловно понимавший, что общество, сдавленное тисками сталинизма, будет деградировать, несколько ослабил тиски несвободы. Однако приоритетом для него была отнюдь не демократизация страны, а укрепление коммунистического режима и собственной власти. Это особенно стало очевидным во время массовых волнений в Польше и Венгрии, когда он смог «эмпирически» убедиться в том, что дарование народу даже малой толики независимости от поставленной над ним власти несет в себе смертельную для нее угрозу.

Для стиля правления Хрущева характерны были его импульсивные метания между Сциллой сталинизма и Харибдой либерализма. Одной рукой власть как бы ослабляла партийный контроль над литературой и понижала репрессивный потенциал органов госбезопасности. Однако другой – «закручивала гайки»: делала «оргвыводы» в отношении историка Панкратовой, организовывала кампании травли против Дудинцева, Пастернака, Паустовского, Алигер, других независимо мыслящих литераторов, составляла и рассылала в партийные организации директивы, требовавшие «повышения политической бдительности». Ключевым из них было закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», инициировавшее силовое «наведение порядка» в студенческой среде. Арестованные тогда историк Лев Краснопецев, математик Револют Пименов, другие представители неконформистской молодежи стали предтечами оппозиционного правозащитного движения, бросившего открытый вызов уже брежневскому режиму.

Пароксизмы «оттепели» чередовались с «подмораживанием» социальной активности интеллигенции. И хотя с весны 1957 года ее элита получила возможность непосредственного общения с властью и в какой-то мере даже вступить с нею в социальный диалог, Хрущев с самого начала использовал встречи с творческими деятелями как средство их партийно-пропагандистской «накачки». В результате росло отчуждение либеральной интеллигенции от Хрущева, который все больше лишался не только ее поддержки, но и терял опору в других социальных слоях общества. Следствием этого стало поступательное усиление роковой для него зависимости от высшей бюрократии, преследовавшей по преимуществу узко корпоративные выгоды, которые в целом шли вразрез с интересами развития страны.